

ВНИМАНИЕ!!! Содержащийся за ссылкой текст очень большой, но он ужасно смешной :) На него действительно стоит убить ваше время!

Тимофей Степаныч был мужиком основательным. В свои 58 лет он имел ровесницу жену, на бытовом языке называемую старухой, тридцатисемилетнюю дочь так и оставшуюся девицей, хрущёвскую «двушку» на первом этаже от завода, (полжизни в очереди стоял), шесть соток в пригороде (ещё полжизни сторожем каждое лето в садовом кооперативе), и единственную запись в трудовой книжке.

Как пришел из армии, так и крутил баранку на своём заводе. Карьеры не сделал, куда там, семь классов, но начальство его ценило за покладистость, а мужики в гараже за безотказность в плане «подменить», помочь поковыряться с машиной, и раздавить пузырь-другой по пятницам.

В смутные времена, завод вдруг перешел в частные руки жирного Кахи Бендукидзе, (точнее его холдинга) что на зарплате существенно не отразилось, но её стали давать без задержек, и на том спасибо...

Под новый год дали ему новый Камаз седельник, сей факт с мужиками обмыли, а Степаныч оттирая чёрные руки с помощью Ферри приговаривал:

- Подшаманю после праздников, и до пенсии как у Христа за пазухой.

Первого января, опохмелившись на скорую руку стаканом самогона в два приёма, и закусив вчерашним винегретом Степаныч засобирался. Нацедил четвертинку своего волшебного напитка и надёжно заныкал в бездонном кармане крытого полушубка образца конца семидесятых.

О, самогон, это отдельная песня.

Настоянный на мандариновых корках, кои, (мандарины), дочь-воспитательница в канун нового года натаскала из своего интерната для неумных детей. Тимофей Степаныч фильтровал первач по собственной технологии не без помощи собственной системы тонкой очистки автомобильного происхождения.

- Куда намылился, обещал вчера кран в кухне починить?

- Да починю мать, пойду камаза своего проведу, форсунки...

- Знаю я твои форсунки, старые песни. Как будто нечем больше заняться первого января.

Махнул только рукой и нетерпеливо выскочил в морозный новый день нового года.

Автобусы ходили криво, и редко, благо до завода два квартала. На проходной его встретил в жопу пьяный ЧОПовец, беззлобно икающий всем своим тщедушным телом с недоеденным солёным огурцом торчащим из накладного кармана камуфлированного бушлата.

- Ку.. ку.. куда?

- Туттуда, в гараж, хохотнул Степаныч ласково ощущая чекушку левым локтем.

Ключ много лет у него уже был свой, и чередой главных механиков вот уже четыре десятка лет с этим приходилось только мириться.

В боксе запустив двигатель, Степаныч поднял кабину и пошел открыть ворота, чтоб не задохнуться. Пока прогревался дизель, наш герой зашёл за угол отлить, и остолбенел. Ворота пожарного выезда были не заперты, и по неочищенному снегу вела колея в сторону цехов. Чуть пройдя, узрел картину. Через пролом в пристройке корпуса, какие-то ухари грузили в ГАЗ-66 болванки латуни.

Еб вашу мать! молча сказал Степаныч и попятился в сторону проходной. Там оттолкнув бухого охранника заскочил в караулку и набрал 02. Вся смена в разных позах живописно хрючила без надежды на пробуждение.

- Алло, милиция, это вас с Завода беспокоят. Тут латунь пиздят, ворота сломали и стену. Нет, на машине. Охрана? Охране не справиться. Я? Тимофей Степанович Павлов, э... шофёр. Нет, меня не заметили. Вроде.

К чести райотдела, милиция среагировала. Предприятие выполняла раньше заказы для оборонки, и по инерции объект считался важным.

- Выезжают. Будут минут через пять.

Рысцой прибежав в гараж, Степаныч опустил кабину, и стараясь сильно не газовать выехал на площадку перед боксами.

Для храбрости накатил с горла, и выпустив сизую струю из выхлопной трубы поспешил к пожарным воротам. Только б не съебались. На его счастье, за забором грохотал товарняк, маскируясь за этим шумом ему удалось внезапно подъехать к приоткрытым воротам заблокировав выезд.

Потом ему разбили одну половинку лобового стекла, потом он отмахивался монтировкой.

Потом, когда монтировка улетела, он кинул солидольный шприц в харю нападавшему. Снег окропился красненьким ?

Потом прискакали менты пиная перед собой начкара, и всех повязали.

Добив самогон Тимофей Степаныч до ночи провёл в райотделе.

Из заводского начальства нашли только косоного главного инженера, и начальника службы безопасности со следами губной помады на испитом лице.

Дома жена поджав губы гузкой пропела:

- Ну, и гдей-то это мы запровалялись?
- Не поверишь, в милиции!
- От чего ж, поверю. Ничего удивительного. Знаю я твои гаражи.
- Кончай базлать, налей лучше.
- Ага, щас! Я её вылила в унитаз!
- Да ты чего мать, охуела? И посмотрел на стоящую в дверном проёме дочку одетую по ночному. Дочка криво ухмылялась.
- Тьфу бляди!

В первый послепраздничный рабочий день с самого утра, главмех прибежал из своей

каморки и комкая пидорку залепетал, мол, Степаныч, тебя генеральный к себе вызывает, наверное за стекло ебать будет, но я никому не докладывал, ты не подумай.

- Да больно ему интересно стекло, больше забот нет?

О происшествии Тимофей умолчал из врождённой скромности, да и не успел просто, честно сказать.

В приёмной, покосившись на кожаный диван, Степаныч благоразумно притулился в уголке на стуле, наблюдая как мучается секретарша, набирая что-то на клавиатуре пальцами с ногтями размером с добрую блесну. Интересно, а как она задницу подтирает только успел подумать Степаныч, как секретарша что-то хрюкнув в телефон пригласила пройти.

За столом, сидел их новый генеральный директор, хлыщ лет 35 с тонкой щёткой усов и в запонках.

- Ну, сразу к делу. Огромная вам благодарность, за проявленное мужество.
- Да ладно, приятно покраснел наш герой, дело житейское, я чай не чужой на заводе.
- Мы тут посоветовались, и я решил. Премируем вас путёвкой. В Таиланд. И тринадцатую зарплату. Вы как-никак ветеран предприятия, самый старый сотрудник.

Тимофей Степаныч, робея от своей наглости спросил:

- А деньгами нельзя, эту, путёвку?
- Нет, вы знаете, нельзя. Тут дело такое, взаимозачёт. Мы им профнастил, они им стеклопакеты, а за стеклопакеты они им, а те нам, путёвки. А путёвки мы меняем на электроды. Дисконт 20 процентов, впрочем неважно...
- Понятно, спасибо. А где это?
- Оформляться пойдёте, там всё расскажут.
- Обождите секундочку, я распоряжусь. Поднял трубку и промурчал,
- Котик, начисли Павлову тринадцатую зарплату что? уже получил? Тогда четырнадцатую. Из моего фонда. Ты чего блядь, нюх потеряла? Забыла у кого сосёшь? Всё. И позвони в Пальму, путёвку будем оформлять на Павлова.
- Главбухша шалунья, словно извиняясь улыбнулся генеральный, и пожал пролетарскую руку Тимофея Степановича.

Руки кассирши в окошко протянули ведомость, расписавшись, Степаныч получил неожиданные семнадцать тысяч, и спустившись в бухгалтерию получил визиточку с адресом турфирмы. Дамы из бухгалтерии проводили его завистливыми взглядами.

Недолго думая, вышел из управления и в ближайшем продмаге взял кило водки и упаковку крабовых палок, дабы проставиться мужикам на радостях. К его удивлению, механик, уже притаранил из своих заначек стекло, а коллеги шоферюги в курилке обсуждали Степаныча. Слухи расходились быстро, как сливочное масло при Брежнев.

Дома, сообщив новость, Степаныч победно заглянул во флягу с брагой, попутно заметив, дескать можно было и на кого-нибудь из членов семьи оформить, но... Нехуй было самогонку выливать. Дочь позеленела как брезент и захлопнулась в своей комнате, а старуха всё бурчала

- Найдёшь там себе в санатории молодую, опять стыда не оберёшься.

Был грех, ещё в семидесятые ездил Тимофей по профсоюзной линии в Трускавец, да намотал там на конец. Вместе и лечились. Полгода концентратами питался, и год на раскладушке спал потом. Только из-за дочери и не развелись тогда. Но всю жизнь пилила!

- Имей ввиду, денег не дам!
- Куда ты денешься?
- Из отпускных возьмёшь тысячи полторы, и будет с тебя.
- Да ты старая вконец уже рассудком повредила, психанул Степаныч.
- Машке шубу надо покупать, в пальте пятый год ходит, вот её никто и не берёт!
- Хуй ей надо деревянный покупать, да смазку... для мозгов.

На следующий день, взяв отгул он целый день провёл в бегах между ОВИРОм и турфирмой, где выяснилось, что загранпаспорт будут делать месяц, и соответственно срок вылета назначался на первую декаду февраля. В голове Тимофей Степаныч прокручивал удивительные названия «Утапао» «Паттая», и ещё «Бангог» какой-то. Угораздило ж на старости лет!

Пока анкету в ОВИРе выправлял, спрашивая совета у сидящего рядом парня, разговорились. Выяснилось, что тот в Тайланде уже бывал, и посоветовал кой каких советов, от которых у Степановича с одной стороны проснулось утухающее либидо, а с другой вспомнились очереди в КВД.

- А деньги там наши берут?
- Нет, там у них свои, их надо менять.
- И много надо с собой?
- На две недели? Тебе долларов семьсот-восемьсот хватит, если не будешь по кабакам сильно трескать.
- Это ж сколько в рублях?
- Тыщ 20-25
- Ого! Прикинув значенную «четыринадцатую» зарплату, да отпускные, на часть которых положила глаз супружница, Степаныч понял, что мотоблок в этом сезоне ему уже не светит. На книжке ещё было НЗ, в общем 25 наскребалось.

Кутить так кутить. Жить-то осталось! Так себя подбадривал Степаныч меняя рубли на валюту в обменнике. Получилось восемь стодолларовых и две десятки серо-зелёных купюр, которые он держал в руках впервые в жизни.

Вылет завтра, чемодан почти собран. Документы, фотография всё готово. Вечером, пока Степаныч менял прокладку в кране, жена чего-то там мараковала на «Зингере», а дочь сев за спиной попросила:

- Привези пап ракушек каких-нибудь, в аквариум нам в инкубатор. Я тебе фотоаппарат принесла казённый, наш. Только плёнку надо купить и батарейки.
- Хорошо.

Тут и старуха подоспела:

- Мне ничего не надо, разве семян каких-нибудь, или рассаду, цветы там...
- Ага попрусь я с рассадой, меня и в самолёт-то не пустят!
- Ну как знаешь. Я тут тебе кармашки пришила к трусам.

Степаныч критически осмотрел творение и вздохнул:

- Блядь, но почему на жопе-то? И почему шесть пар?

Машка прыснула в кулак.

- А как ты хотел, как за деньгами лезть, что люди-то подумают, что яйцо зачесалось? И где ты там стирать-то будешь?
- Ага, жопа зачесалась оно конечно, люди подумают что всё нормально!
- Ну как знаешь. Я тебе покушать в дорогу собрала, там в холодильнике яйца варёные, сала шмат, кура варёная. Утром заберёшь, а то испортится.
- Да кормят там! Это ж не поезд.

Ещё раз критически осмотрев вещи в чемодане, Степаныч выкинул оттуда пару шерстяных носков, свитер домашней вязки и кипятильник. Потом подумал, и кипятильник оставил. Ножик, ложку и вилку деловито засунул в дырку рулона туалетной бумаги, а эмалированную кружку без сомнений заменил на гранёный стакан.

Места в дерматиновом чемодане оставалось ещё изрядно. Сунул десять пачек Беломора, потом подумал, и добавил ещё пять.

Ночью не спалось обоим. Раз пять вставал курить на кухню.

- У нас крышки для закатывания есть?
- Есть, а зачем тебе?

Подождав, пока дыхание старухи стало ровным, Степаныч молча встал, и решительно, с удивительной проворностью закатал три литровые банки самогона стараясь не греметь. Теперь полный комплект. И чемодан полный. Под утро закемарил и приснились ему почему-то негры, в Камазе без стёкол, и кидал Степаныч тавотницу как гранату в танк, и не попадал.

Самолёт вылетал вечером, а днём Степаныч сходил к себе на завод, попрощаться. Мужики по обыкновению сально шутили, но никто не мог знать тогда насколько их шуточки оказались впоследствии близки к реальности.

Загодя приехав в аэропорт Степаныч с трудом избавился от жены провожающей. Там он получил конверт с билетами и ваучерами, на котором было написано «Утапао».

В очереди на регистрацию пристроился к какому-то лохматому парню, и смущаясь попросил подсказать чего-куда, на самолёте, да тем более за рубеж летел впервые. Тот согласился.

- Ручной клади нет?
- Какой клади? Переспросил Степаныч
- Только чемодан? Тогда в багаж придётся сдать. С собой в салон только пять кило.

Вон у меня, один сидорок, лохматый открыл тощий рюкзак, в котором лежало несколько пачек Беломора, бутылка водки и сланцы.

«Наш человек, работяга небось, папиросы курит» – подумал Степаныч перекладывая в полиэтиленовый пакет из чемодана жратву и банку самогона.

- Я всё на месте покупаю обычно, да и выкинуть потом не жалко, чего таскаться-то?

«Нет, не наш человек» – опять подумал Степаныч вспомнив про шесть пар своих трусов.

Таможенные и пограничные формальности прошли нормально, за исключением того, что отбрали нож.

- На обратном пути заберёте, сказал заёбанный таможенник ничуть не удивившись продуктовому набору в пакете.

- Наконец симпатичная пограничница шлёпнула штамп в девственный паспорт, и пожелала счастливого пути.

В накопителе лохматый с хрустом свернул голову с бутылки и предложил отметить переход границы. Отчего ж не отметить, кивнул Степаныч доставая в свою очередь стакан и пару яиц.

В общем, когда сели в пузатый 86 ИЛ пузырь наполовину опорожнился. Всё было в диковинку и неизвестность приятно возбуждала. Пережив взлёт и с восторгом плясь в иллюминатор Степаныч тихонько матерился от переживаемых впечатлений.

Лохматый переобувшись в сланцы, вновь активизировался. Ну давай дюзнем за эшелон. За эшелон так за эшелон, подивился Тимофеем Степаныч железнодорожному термину. Потом пили уже самогон за «миллион на миллион» видимости, под еду, которую прикатила стюардесса на тележке. Часть харчей пришлось припрятать, есть не хотелось уже, а оставлять? Такого Степанычу даже в голову не могло придти.

Бессонная ночь, тревожения и поллитра спиртного сделали своё дело. Степаныч уронил подбородок на грудь и провалился.

Проснулся оттого, что заложило уши. Бодрый голос попросил поднять спинки и пристегнуться, и Степаныч засуетился стараясь чтоб не пролить пристроить ополовиненную банку самогонки с дырками в жестяной крышке.

- Не кипешуй, это Карачи

- Чего?

- Карачи, Пакистан. Тут постоим пару часов, и дальше полетим – зевнул лхматый.

- Понятно. Хм, у меня тёща была, царство ей небесное в Пермской области из деревни Карачки. Там и окочурилась.

Степаныч, ерзал-ерзал, потом спросил. Как бы дотерпеть-то до конца, ведь уссусь.

- Сейчас уже поздно, как сядем, в конце салона сортир.

- Странно, в поездах на стоянках запрещено... неужто на бетон всё льётся?

- Да нет, выкачивают потом.

- Ясно, значит так с говном и летаем.

Лохматый согнулся пополам, и произнёс:

- Весело батя с тобой, наверно вместе и поселимся. А то дадут какого-нибудь ботаника, не накуриться, не морковь притащить.

- Да, с некурящим-то конечно сложно. Про морковь спрашивать не стал, мало ль какие там у них правила против овощей.

За окошком самолёта была ночь, люди время от времени промелькивали в чужой форме, а то и вообще в ночных рубашках. И с автоматами ещё заметил. Стало душно.

В общем, опять взлетели, опять накатило, поели, допили, поспали, и проснувшись Степаныч обнаружил под крылом море, ослепительное отражавшееся от него солнце, и острова, и зелень берегов. Лето! Полушубок-то не додумался старой отдать, с досадой покривился Степаныч, теперь таскайся.

Наконец сели. Спустившись с трапа, Степаныч мгновенно взопрел, шапка меха кролика была явно лишней. Пот заливал глаза, и подойдя к автобусу Степаныч не обнаружил в нём ничего, хоть сколько-нибудь напоминающее дверь. Подняв глаза, обнаружил ржущих в окне людей. Среди них и Лохматый.

- Хуль вы скалитесь! И пошел туда, куда тянулся народ. Дверь была слева, водитель справа.

Ясно, япошка праворукий, сам рассмеялся Степаныч, и во все глаза уставился на поодаль стоящие пальмы ранее виденные только в телевизоре.

- Слава Богу, добрался!

В небольшой аэропорт аэродрома Утапао набился весь самолёт. Все чего-то орало, махали руками, какими-то бумагами. Степаныч как неприкаянный прислонился к огромному кондиционеру, и снова надел шапку. Замёрз. Голова кружилась, во рту было сухо.

Неожиданно как из под земли выскочил чувак с Полароидом, и залопотал, мистер фото фото давай давай, и было дело нацелился. Степаныч перепугано стащил шапку приглаживая волосы, но опомнился:

- Иди нахуй китаёза, чего тут фотографировать у стены, у меня свой есть аппарат в чемодане.

«Китаёза» видимо уже много раз слышал это выражение и отвалил.

Тут подскочил Лохматый, и притащил невесть откуда багаж.

- Ты чего тормозишь, отец! Давай фотки и паспорт, я за тебя эту байдю заполню. Да сними ты шапку, трамбууй в саквояж.

- Не влезет.

Степаныч рассупонил чемодан, и стал укладывать туда оставшуюся жратву из пакета. Лохматый молча отобрал у него паёк, и выкинул в урну.

- Во-первых, могут не пропустить, (соврал не моргнув) а во-вторых, ты в Тае, забудь про колбасу. Нда, места не прибавилось. Давай сюда чего-нибудь.

Степаныч отдал папиросы и оставшиеся две банки самогона. Места хватило как раз в аккурат для шапки, пиджака и полувера. Содержимое рюкзака же Лохматого теперь напоминало багаж спившегося растамана.

- Доставка десять баксов.
- У меня нету!
- Как нет, у тебя кредитка чтоль?
- Нет, доллары
- Ну я и говорю доставкой десять
- Аа, так бы и объяснил.

Степаныч с мучительной физиономией засунул руку за поясницу, и начал там ковыряться. Чертыхаясь выудил свёрнутые бабки, и отмусолил чирик. Купюра была влажная.

- Даа, запугали русского туриста... из какой же.. полости ты их добыл... протянул Лохматый. Пошли Степаныч, сдаваться.
- Куда?
- Шутка.

Быстро проскочили всю волокиту и выдавились в зал прилёта. Он же зал отлёта. Там толкалось ещё 350 человек на регистрацию на обратную дорогу.

- Я хую с этих русских!
- Ого Степаныч, ты я гляжу уже адаптируешься! Пошли трансфер искать.

У выхода стояла высокая дива с изумительным разрезом глаз и юбки. В руках держала листок. «Пальма».

- Здасвуйтеее, проходите в наш самый красивый атобус розовый с делфиинамиии.. Лохматый, причмокнул, хорошее начало.
- Первое внятное тайское лицо, и сразу ледибой.
- Кто?
- Ну транс
- В смысле?
- Ну мужик в бабу переделанный
- Пидораст чтоль?
- Не заморачивайся, потом объясню.

Степаныч до того вывернул голову на диво, что чуть не угодил под мотоцикл переходя дорогу.

В автобусе работал кондиционер.

- Ну ты пока охлаждайся, а я пойду пива пошукаю. Степаныч во все глаза озирался рассматривая бунозелёные кусты и мелковатых людей на улице.

- Знакомься. Сингха. Лучшее пиво в этих краях.

Тронулись. Степаныч чуть не захлебнулся пивом и вцепился в кресло. Автобус фиgачил по встречной. Пережив культурологический шок, вытер испарину. Страна наоборот. Мужики переделаны в баб, зима в лето, дороги шиворот навыворот. Чудеса.

Мимо мелькали пейзажи. Степаныч отключил мозг, чтоб не свихнуться, и тупо потягивал пиво. Где-то слева замелькало море. Это вывело его из оцепенения. Только вчера... а сейчас... и опять отключил мозг.

Наконец начали подъезжать к какому-то городу. Людей, мотоциклов и машин становилось всё больше. К счастью, Камелот в списке выгрузки пассажиров стоял первым, и Степаныч вошел в прохладу отеля. Таких изысков ему видеть не доводилось. В фойе к ним подскочила девушка-блондинка, русская, и затараторила:

- Я ваша помощница, на весь срок пребывания. Сейчас вы получите ключи от номеров, приведёте себя в порядок, и я вас буду ждать здесь, в лобби через час. Будем записываться на экскурсии.

Степаныч тронул за рукав Лохматого:

- Это тоже..полупидор?

- Да нет, это наша, с Тагила

- А что такое лобби?

- Предбанник по английски.

Поднялись в номер. Лохматый показал как обращаться с дверью. Апартамент казался декорацией из сериала. Степаныч развесил наконец свои манатки в шкаф и разложил тряпье по полкам. Достал тапочки, тренировочные штаны и футболку с надписью Олимпиада 80.

- Да, прикид не фонтан, выходя из ванной, оценил Лохматый. Ну что, погнали менять деньги, да приборахлимся.

Спустились вниз, на рецепшен Лохматый подозвал админа и проинструктировал Степаныча что такое сейф, и как его эксплуатировать.

- Это надёжнее, чем карман на жопе. И ещё, ключ надо кидать в эту дырку, когда уходишь. А когда приходишь, запомни три волшебных слова: «сри сри сри», это номер нашей кельи. 333. И ключ тебе дадут. Если не дадут, значит я там.

В ближайшей менялке Степаныч поменял сто долларов получив почти четыре тысячи местных батов.

- Крестик на бумажке поставь, и потихоньку подсекай, как чего делать. Я с тобой всё время не смогу ходить. Кроме «иди нахуй», выучи ещё пару-тройку слов. Ес-да, ноу-нет, Камелот-домой. Синга-пиво.

Поехали одеваться.

- А экскурсии, она ж там ждёт.
- Да она заебёт ещё с этими экскурсиями. У тебя чего написано в путёвке? Крокодилья ферма, Бангкок и ещё чего-то. Ну и хватит. Или сам решай. Но переодеть тебя надо обязательно, а то даже тук-туки шарахаются.

Запрыгнули в пикап, который и оказался тук-туком, и поехали куда-то. Выяснилось, что в Биг-Си.

Прижимистым мужиком Степаныч никогда не был, и полностью положившись на лохматого младого товарища, как выяснилось по имени Сеня, стал обладателем:

Шорт, нескольких разных футболок, бейсболки, плавательных плавков, модных сандалий с открытой пяткой, солнцезащитных очков и так по мелочи кой чего. Тут же переодевшись, Степаныч стал напоминать стандартного европейского туриста преклонных лет, благодаря седине.

- Бабка б меня увидела, и охуела. Вези меня Сеня домой, спать.
- А обед?
- Сил нет, башка сейчас лопнет.
- Ладно, я тебе тук поймаю, Камелот увидишь, жми на кнопку. Водителю отдашь три монетки по десять. Я пока ещё прошвырнусь, и чего-нибудь вкусенького на закуску прикуплю.
- Доехал без приключений, водительский стаж позволял быстро схватывать ориентиры в незнакомом городе. Шофер взял монеты, и вопросительно прогундосил «мани-мани»
- Иди нахуй, ес, ноу, камелот!

Тот понял и уехал..

- Сри сри сри! За стойкой тоже поняли и выдали ключ.

В номере Степаныч, вскрыл банку, хлебнул добрый глоток, занюхал бейсболкой, и помывшись завалился спать.

Проснулся он от каких-то звуков, за окном и комнате темно. Прислушался, вроде не по-русски говорят (а говорили буквально следующее)

- Be not frightened it has died.

- Why?
- To suck my girlfriend!
- Fantastisch!
- I so cannot!

Степаныч нащупал коробок, и чиркнул спичкой. Не сразу поняв, но идентифицировав обращённую к нему голую задницу прошептал:

- Сеня, что с тобой! Или ты ебёшь кого?

Раздался слабый визг, и потом звук, будто кто-то подавился

- Скорей меня
- ?
- Шутка, лежи, мы уже кончаем...

Степаныч деликатно отвернулся, и дождался пока они там перестали вошкаться. Всяко бывало в его шофёрской карьере, и плечевых по трассе на своём веку перевидал, но так, чтоб...

Наконец хлопнула дверь, и Сеня зажёг свет.

Слушай, лохматый, имей совесть в конце концов. Я тебе больше чем в отцы гожусь, а ты кого-то прёшь на соседней койке не по русски как-то.

- Не обижайся, лиха беда начало, надо ж было отметить, решил тебя не тревожить, ну не будить же! Я думал и на тебя взять морковку, да подумал, вдруг тебе неохота, или не можешь..

- Как это не могу, зубы все на месте, но я б мяса навернул, или рассольнику лоханку, а не морковь.

- Степаныч, морковка, это девушка, тайка, которую... с которой...

- О как! Нет, Сеня, я однажды привёз триппера, хватит!

- Эх древность, придётся осваивать презерватив

- Гандон!? Да ни в жисть!

- Ну как знаешь, придётся начать с массажа. Одевайся, будет кусок мяса и рыбы.

Самое наше время.

- Самогону твоего примем? Я тут ананас притащил.

- Отчего ж не принять!

Врезали. По полстакана, закусили.

- Хм, совсем другой вкус чем из банки.

- Во-во! С морковками та же хуйня, вроде, баба как баба, но совсем другой цимес.

Потом поймёшь.

- И.. не уговаривай. Я этот гандон даже и в руки не возьму!

- Оригинал, любишь чтоб за тобой поухаживали? Сеня заржал.

- Тьфу на тебя.

Вышли на улицу, как в парник. Вечер ближе к ночи до неузнаваемости изменил город, в воздухе витала смесь запахов, пробка перед гостиницей была плотнее, чем днём.

- Куда идём-то?
- На Вокинг Стрит! В пучину порока и кайфа.

По узкому тротуару свернули в неширокий переулок, и пошли мимо рядов мотоциклов и макашниц, всё кругом мигало, пело гремело .

- Запоминай. Наша улица – Секонд роад. Ей параллельно, мы к ней идём, Бич роад, вдоль моря. Движение одностороннее, потом разберешься.

Степаныч почти не слушал, во все глаза таращась по сторонам. Проходя очередной раз мимо какой-то еды, Степаныч зажал нос:

- Как будто кто-то умер, а потом сдох.
- Привыкай, это Тай!

Зашли в какой-то ресторан. Прямо через перила Настоящее Море и теплоход в огнях. Сеня наказывал всякой всячины не отвлекая Степаныча от его прострации.

- Ебанные форсунки, дай тебе Генеральный Бог здоровья.
- Что? Переспросил Сеня
- Да так, благостно на душе.
- Пить что будем?
- А что ты то и я.
- О кей, я виски закажу.

Принесли кучу тарелок, и квадратную бутылку Ред Лейбла. Налили, чокнулись. Степаныч крякнул и подняв бокал произнёс:

- За латунь!
- Сильно! Лучше и не скажешь! Хоть и не вполне понятно.
- Потом как-нибудь поведаю. (а про себя подумал, надо будет тем жуликам передачку заслать, ананасов пару штук) А мой-то самогон, покрепче будет!
- Тут ты прав, твой бурбон вне конкуренции
- Сам ты бурбон, балабол, у меня очистка, настой!

Так за разговорами, они доели допили, попутно Сеня постепенно втолковывал «чего тут и куда» Степаныч раздобрел, и поглядывая округ себя даже, по-моему, смахнул скупую слезу счастья.

- Ну, чего, погнали? Отступись, я угощаю сегодня! Рассчитываясь отвел руку Сеня.
- Пошли в Гоу-гоу!
- Куда?
- Пошли пошли!

Не мудрствуя, завернули в ближайшую подворотню, откуда их затащили буквально в мигающую темноту. А там...

Шесты, девочки в трусиках и без, Пару штук сразу облепили Степаныча, что-то лопоча. Тот вырывался, и весь покрылся потом.

Сеня наблюдая тащился. Потом выдернув из объятий вывел Степаныча на воздух. Тот вращая глазами закурил папиросу, ломая спички. Потом затаившись прикрикнул:

- Ну и хуль стоишь! Показывай, где тут гандоны продают?
- ИЕЕССС!!! Не торопись успеется, пойдём прошвырнёмся.

Поддатый Степаныч, совсем расслабился, с его лица не сходила блаженная улыбка. А после очередного захода за стойку бара, он вообще перевернул бейсболку козырьком назад.

Так они шлялись по барам ещё часа полтора, после чего в 7-11 прикупили всякой еды и бутылок-банок, не забыв про резину.

Просветлённый Тимофей Степаныч по пути домой в тук-туке обжимал морковку, называя её почему-то Зинкой, а Сеня, с пакетами сидел напротив в одиночестве, переполняясь гордостью за свою миссионерскую деятельность.

- Сколько мне ей дать-то потом?
- Триста на стойку рецепшен, и семьсот морковке, подходя к дверям научил Сеня. Держи пакеты, развлекайся. Я пойду мариванну поищу, часика через два подгребу. Удачи!

Сонному тайцу Степаныч подмигнул, и хлопнув три сотни об стойку выложил:

- Сри сри сри, и триста за морковь.

Морковь изображала самую скромность, а Степаныч почуял себя лет на сорок моложе. Уже в лифте подумал, ну Сенька ушлый конь, какую-то Марию Ивановну побежал искать, всё мало ему...

Лирически-медологическое отступление:

Дабы не вдаваться в сферу интимных отношений героев, и залипнуть на этой теме, произведение носит всё таки изначально повествовательно-исторический характер, а отнюдь не эротический, опустим подробности соития и будем придерживаться впредь избегания (по возможности) описаний постельных сцен.

Единственное, что стоит упомянуть, это критический уровень тестостерона в организме Степаныча, и его потребность нагнать упущенное за годы Советской власти, а равно пуританскую деревянность его престарелой супруги.

Как и обещал, Сеня прибыл через пару часов, когда дебютная партия Степаныча была с блеском исполнена дважды и потом ещё сольно на бис, на флейте. Наш герой сидел в плетёном кресле закинув ноги на столик, и глядя на подсвеченный голубой бассейн, тихо грустил с бутылкой Баккарди. Его переполняли двойственные эмоции. С одной стороны, он находился в посттравматическом шоке. Нет, со здоровьем было всё в

порядке. Травма была душевная. Её можно обозначить в одной краткой фабуле: «Какого хуя я всю жизнь отдал коту под хвост». С другой стороны, чувство вины. Вот вину-то он и заливал.

- Степаныч, ты я гляжу на буржуйское пойло соскочил?
- Понимаешь, Сеня, я как посмотрю на свою литровую банку с самогоном, как будто в те старые тапки обуваюсь. Не хочу.
- Понимаю, проходили. Тебе ещё предстоит абстинентный синдром
- ?
- Отходняк, проще говоря, от Тая. Ты будешь готов заложить последнее, чтоб вернуться сюда. И я тебе завидую.
- Я уже хочу вернуться, хоть и суток не прошло.
- Ладно хватит сиськи мять, где твои «старые тапки»?
- Веришь нет, выкинул нахуй, как только проводил Ли
- Ого, вы близко познакомились! Я самогон имел ввиду.
- Самогон в холодильнике. Познакомились, мы с ней говорили долго... телефон вон на пачке записан. Позвонишь ей завтра?
- А сам-то чего, улыбнулся Лохматый, вы ж говорили!

Степаныч только вздохнул. Чокнулись, помолчали.

- Ты свою Машку-то нашёл?
  - Кого?
  - Ну эту, Марию Ивановну
  - А, да, взял пакет. Сеня вытащил полиэтиленовый квадратик с «ручейком» застёжкой.

  - Это что?
  - Трава
  - Семена?
  - И семена там есть
  - Надо будет бабке взять, в палисадник.
  - Это Степаныч для курения трава
  - Ты наркоман?
  - Нет. Я, не буду читать лекций, а от тебя выслушивать нотации. Это Тай.
  - Да дело твоё, травись.
- Сеня уже начал засыпать, как вдруг Степаныч спросил:
- Дашь попробовать травы своей?
  - Да Тимофей Степанович, торкнуло тебя сегодня не по детски...
  - Это Тай... устраиваясь поудобнее сказал Степаныч, и вырубился как двадцатилетний.

Утром Сеня проснулся в хорошем расположении духа, и обнаружил Степаныча на балконе, где тот делал зарядку, ухая и фыркая.

«А мужик-то ещё хоть куда!»

Пошли на завтрак.

- И чего, жри сколько влезет?
- Гавно вопрос!

- И никто не залупится?
  - Только с собой нельзя.
  - Даааа, столовая что надо, сказал Степаныч ставя перед собой две тарелки наполненные едой с горой.
- Сеня попивая кофе, наблюдал за попытками Степаныча всё умять.
- И если недоешь, никто тебя не осудит...
  - Всё. Больше не могу. Гады, нет чтоб поставить тарелку с кашей, и стакан чая.

А планы на день были такие. Сеня ушёл дальше спать, Степаныч, в свою очередь, натолкнувшись в лобби на гидшу, засобиравшись в парк миллионолетних булыжников и крокодайлую ферму.

Там он извёл поплёнки ни разу сам не прикоснувшись к фотоаппарату, вручив его какой-то девчужке. Снимки из серии «Я у пальмы» «Я кормлю крокодилов курятиной» «Я сижу рядом с живым тигром» «Я сижу на крокодиле» «Я ем крокодилятину» «Я покупаю всякую хуйню в сувенирном ларьке» и напоследок «Я чуть не наебнулся на ступеньках автобуса».

Вернувшись в гостиницу Степаныч обнаружил записку «Уехал на Джомтьен загорать, буду часа в 4», решил и сам окунуться в море, впервые в жизни. Что и осуществил. Прогулявшись на городской пляж, побултыхался, выпил пива, добил плёнку: «Я около моря» «Я в море» «Я с каким-то тайцем» который конечно оказался китайцем, ибо их как привели толпой, так и увели под конвоем. Подмывало его и на мотоцикле прокатиться, да побоялся. Решил потом у Сени инструктаж получить. Зато немного покрутил педали «гидропеда», как его метко окрестила некая тётка 68 размера обмазанная кремом словно тушка курицы перед духовкой.

Поняв, что сгорает, Степаныч оделся и побрёл куда глаза глядят. А глядели глаза во все стороны одновременно. И наткнулись на нечто, что не могло не привлечь внимание. Стоит джип. С открытым верхом. Красивый, как в кино. А из под джипа торчат грязные ноги. И так наклонялся, и эдак, потом не выдержал, подстелил разорванную коробку и полез. Не удержала шофёрская душа от корпоративной солидарности. Ошалевший таец от возникшего ниоткуда фаранга попал себе молотком по пальцу.

- Ну что ж ты делаешь, нехристь! Переебать бы тебе этим карданом по хребту!
- Степаныч ловко произвёл все необходимые манипуляции.
- Так, ты теперь держи снизу коробку, а я там наверху. В общем, не углубляясь в детали, Степаныч ещё часа полтора руководил процессом. С механиком понимали друг-друга интуитивно. Когда в очередной раз он вылез из под машины, обнаружил, что за ним наблюдает с десяток пар любопытных местных глаз. Среди них был прилично одетый таец с двумя телефонами, явно начальство.
  - Ну чего пялитесь, заводи!
- «Начальник» что-то спросил, Степаныч понял только слово толи фром, толи хром.
- Вижу что хромированная, как перила в борделе, а клапана надо регулировать!
- Тот улыбаясь закивал, и сложил руки лодочкой у груди.
- Ладно уговорил, попозже приду, меня Сёнька ждёт, уже четыре часа на дворе.
- «Начальник» махнул рукой, и подозвал мотобайк с водителем в красной жилетке. Пригласил, садись мол! Степаныч вытирая руки ветошью, вот за это спасибо, подбросите до дому.

- Камелот!

В номере, Сеня лежал в клубах дыма, и смотрел телевизор.

- Фу тряпками, какими-то воняет!

- Пошли Степаныч, обедать, я тебя познакомлю с супом Том Ям.

В небольшой кафешке, вытирая слёзы и сопли Степаныч, запивая пожар пивом матерился:

- Ебанные папуасы, как же они его жрут? Им же можно аккумуляторы заливать вместо электролита. Но вкусно.

Потом рассказав Лохматому про свои похождения, уговорил его вернуться, к джипу.

- Степаныч, тебе делать что ли нехуй? Ты хоть помнишь, где это?

- Помню, там напротив голая баба над крыльцом и написано «ГО» Степаныч неумело на салфетке нацарапал две буквы. Да тут недалеко, пять минут на мопеде ехали.

- Нда, ориентир просто уникальный. Ну пошли, кулибин.

Я уже говорил, с ориентированием у Степаныча было всё в порядке, и двигаясь от пляжа, они пришли к рентовальной конторе. Степанычу обрадовались как родному. Ещё бы, головка блока была снята, и вокруг капота собрался консилиум.

- Ну-ка черти, чего тут у вас?

В общем, пока они ковырялись в машине, Сеня успел поговорить с управляющим, и выпить предоставленного пива. Всё, готово вроде, прислушиваясь к движку и вытирая пот сказал Степаныч.

- Ну ты монстр! Эта трахома у них уже три месяца не фурычила! Тебе разрешается взять её бесплатно в аренду на три дня, только бензин за свой счёт. Я так думаю, тест драйв, не просто халява. Видимо с расчётом, что продиагностируешь, чего там ещё надо ремонтировать.

- Да я и прав-то не взял, и на праворукой не ездил, да движение не такое, даже и не уговаривай!

- Степаныч, ты вроде и презерватива до вчерашнего дня не держал?

- Ха, сравнил хуй с коленвалом! Там я если и обмишурюсь, то только сам. А здесь, и тебя угроблю и себя, и этих пешеходов косорылых с десятков до кучи.

- Права не нужны. Поехали, потренируемся, я тебе подскажу.

- Подсказывальщик, сам-то водишь?

- Только мотобайк... но правила уразумею

- Подведешь ты меня под монастырь, Сеня. Ну чего стоишь, пиздуй за плёнкой для фотопарата, мужики-то охуеют в гараже.

(А сам, холодея от предвкушения приспособившись в кресле, поправляя зеркала)

Сёма молнией метнулся в контору, чего-то там оформил, и запрыгнув на пассажирское кресло скомандовал:

- Ну что по бабам?

- По хуябам! Заправиться надо сперва, и помыться. Я потный как сплошная подмышка, и грязный.

Как скажешь, шеф!

В принципе, доехали нормально, за исключением того, что Степаныч пару раз включил дворники вместо поворотников, и рефлекторно, на светофоре прикурив беломорину бросил спичку Сене на колени, и потом туда пепел стряхнул. У отеля Степаныч загнув двигатель отщёп пот:

- Вся жопа мокрая, переучиваться-то! Машина конечно красивая, спору нет. Но, сдаётся мне, пустышка. Слабовата. Не думаю, что сильнее УАЗика нашенского, да и передок-то тупта! Нету!

- Степаныч, дарёному коню и кобыла невеста! пляжный джип, морковь возить и фотографироваться. Это тебе не трубы возить в длинномере.

После недолгого моциона, прихватив деньжат и фотоаппарат, Сеня со Степанычем выехали в южном направлении. По пути залив горячего, Лохматый решил ознакомить своего «напарника» с окрестностями, и провести мобильную рекогносцировку, что и как изменилось в ландшафте с момента прошлого посещения Паттаи.

- Сейчас направо, и ориентируйся на ту башню.

- Телевышка?

- Нет, гостиница, форсу много, а толку мало. Вокзал-вокзалом. Народу дофига, из них половина наших. Одно что аквапарк, да и то, ниже среднего, проходной двор. Пойдём вверх поднимемся, вид замечательный.

Заплатив, поднялись на смотровую площадку. Степаныч по обыкновению всучил фотик Сене, в итоге свои «Я в лифте» «Я на верхотуре» получил. Там привязывали кого-то в подвесную систему, но Степаныч наотрез отказался, мотивировав тем, что от высоты у него яйца сводит судорогой. Аргумент про гандоны не сработал. Так и спустились как инвалиды в «стакане».

- Ух, ты! А это что за сваезабивалка?

- Это машина для делания абортков.

- Да ну!

- Точно тебе говорю, садится туда баба, скажем беременная от нескольких минут, до нескольких месяцев. Её подкидывают несколько раз, и всё. Как не бывало. И ещё долго не будет.

- А мужики? А у мужиков член делается на несколько сантиметров длиннее. Но тоньше. И пломбы с верхних зубов вылетают.

- Балабол!

Степаныч постоял около аттракциона, потрогал языком мост на верхней челюсти за который два ЗИЛа отсева привёз соседу по приусадебному участку, и решил не рисковать.

- Поехали Степаныч искупнёмся, благо солнце садится, и куда-нибудь завернём поглубже пожрать. От толпы подальше.

- Показывай.

Поскольку сравнить было не с чем, вода южнее Джомтьена показалась нашему герою верхом кристальности и тёплости. Сидя в полосе прибоя, зажав мундштук папирасы, Степаныч тоном прожженного морского волка выдал:

- Зимой здесь наверно шторма...

Сеня захлебнулся пивом, и апеллировать не смог.

Проезжая мимо полей для гольфа, Степаныч, сострил:

- Нам такой хоккей не нужен!

- Это...

- Да знаю, чай не по пояс деревянный, ящик иногда гляжу, куда теперь?

Остановились у небольшой забегаловки (где-то в районе Лотуса, как я понимаю). Тут Тимофей Степанович Павлов мягко говоря охуел.

- Сень, а Сень, они что ж это жарят-то? Держите меня трое я сейчас обуглюсь. Неужто...

- Это всякие насекомые, кузнечики и прочая живность. Нормально с пивом. Сенья с молчаливого согласия «повара» взял одного и захрустел закатывая глаза якобы от удовольствия.

Степаныч перекрестился.

- Ты со мной с одного стакана больше не пей.

Отошли на пару метров, и Степаныч развернулся. Давай, фотографируй. Получился снимок «Я стою рядом с тем местом, где жарят тараканов и потом их жрут»

- Представляешь Сенья, приношу я летом бабке сковородку жаренного колорадского жука на постном масле. И всё. Считаю отмучился.

- В смысле вдовец?

- В смысле мёртвый труп. Мотыгой по кумполу.

- Ага, или клиент психушки.

Так, за разговорами они встретили темноту сидя в ресторанчике по вентилятором и поглощая неведомый Степанычу сифуд.

Подвалила подгулявшая компания, русскоязычного характера. Сенья недовольно покосился. Степаныч, ударился в немудрёную философию:

- Вот я ведь раньше как думал, за граница это где-то на другой планете, телевизор показывает красивую жизнь, или наоборот войну. Америка там, Япония, Израиль. Я не силён в политике, но всё-таки казалось, что мы нормально живём. Богатые появились, мерседесы. Но они раньше тоже были, чиновники всякие, партийные в горкомах-обкомах. И сидели мы на своих печках, заткнувшись. А оно совсем по другому... Непонятно, за что досталась такая херота. Тут можно круглый год картошку сажать и выкинуть батареи с валенками.

- Степаныч, каждому своё. Кончай думать. Пей пиво.

- Хорошо вам молодым...

- Поехали, омолаживать тебя буду. На массаж.

Массаж это хорошо, вспоминал профилакторий Степаныч, где ему мужик похожий на мясника мял спину, вечную проблему шоферов. Но заведение, куда они прибыли меньше всего напоминал лечебное учреждение. Да вообще ничего похожего не напоминал, разве что витрину. Столики, стойка бара и за стеклом... десятка полтора морковок как на небольшой трибуне, ступеньками. И все под номерами.

- Ну, выбирай себе массажистку. Какая понравится.

- Блядь, да они все гарные. Ты мне помоги, чтоб спину, и шею умела.

- Они все всё умеют.

- Тогда вон ту, номер два.

- Хм, она на индуску похожа, одобряю.

- Да нет, у меня номер квартиры второй. Вот и всё.

- Оригинально.

- Только ты её объясни, чего и как ладно?

- Нет уж Степаныч, отправляю тебя в самостоятельное плавание. Если захочешь дополнительные услуги, будет дороже, имей ввиду.

Так они и расстались. Степаныча увели в номера.

Сеня тем временем спустился от Сабаи к пляжу, где уже почти в темноте раскурил джойнт. Расслабленный и альтруистически-снисходительный (а именно так на него действовала трава), он откинулся на пассажирском сидении джипа вяло отмахиваясь от морковок и иных представителей ненавязчивого сервиса.

Вскоре нарисовался и Степаныч. Морда красная. Руки дрожат.

- Ну как?

- Предупреждать надо! Бросил назад мокрые трусы, и рассказал нижеследующее:

Заходим мы значит в комнату. Красота. Пигалица эта давай там с ванной ковыряться. Ну, думаю, гигиена прежде всего, жду в трусах. Она меня тянет, дескать залезай старая обезьяна, в ванну. А ей говорю, иди в жопу, я сегодня уже два раза мылся. А она настаивает. Ну полез. В трусах. Эта смеётся. Давай их с меня стаскивать. Подчинился, вроде как врачу-то виднее. А она, меня мыть начала, будто я сам немощный! Стыд какой, намыливает, а я того, корень пустил. Вот думаю, облажался! Благо пены много. Так слушай, она гляжу, сама ко мне лезет. Ну ни хрена себе удивляюсь, медицина как тут скакнула в Тайланде! И сама давай мыться. Чудно! Потом, вылезла, в тазике взбивает пену, я помаленьку успокаиваться начал. Матрас бросила надувной. Зовёт, ложись. Я срам прикрыл, вылез, лёг, лежу на пузе...

И тут как начала она по мне ездить, ну прям словно маршрутка по Сибирскому тракту. Туда-сюда, туда-сюда. Всем телом. Всем... всеми прелестями. Я поначалу тоже вроде скользил. Потом опять корень пустил. Вроде притормаживать им начал. Но чую, ещё так поторможу минуту, и отдуплюсь. Только сознание начал терять, говорит переворачивайся. А куда деваться? Перевернулся. Она посмотрела на это дело и говорит (я так думаю), мол чего ты тут выставил свой шатун? Ну и опять значит давай по мне гонять. А сильно-то не разгонишься! Мешает якорь-то, етит твою мать! Я уже начинаю злиться, но как-то не сильно. Эта массажерка, вроде остановилась, и спрашивает что-то. И ухватила меня за... Тут я уже всерьёз, зверею, говорю дескать, мы тут чего массаж хуя делать приехали, или где? А она знай наяривает, стыдно вспомнить... И опять чего-то спрашивает. А я чего... как обычно и отвечаю, иди нахуй, ес ес ес ноу камелот. Как заклинание, только сказал и кончил. Странно, но она обрадовалась сучка. Мяучит что-то, в ухо. А мне вроде уже и не надо ничего кроме нитроглицерина, ни массажа, ни мяу-мяу еёного.

Опять помыла она меня. И всё. Дал я её ещё триста. Она показывает, мол, я к тебе в Камелот. Нет, говорю, в Камелоте я и забесплатно подрочу. Нихт шиссен. Цурюк. Вот и весь массаж. Спасибо тебе Сеня, порадовал старика. Облажался по полной программе. Лучше б я выеб её.

Сеню пробило. Он по укурке так ржал, что всерьёз обеспокоил Степаныча своим поведением.

- Смешно тебе... а мне не смешно.

- Степаныч, лучше помолчи, а то обделаюсь.

- Я уже обделался, твоя блядь очередь, крутя баранку, бормотал Степаныч. Куда ехать-то?

- Давай посидим где-нибудь, пива выпьем подумаем, как завтра распорядится временем.

Заехали где потише, сели за стойкой. Не успели им пива налить, тут же подлетела морква. Сеня отмахнулся:

- I love the friend good-bye!

Те отвалили

- Чего ты им сказал?

- Да, послал подальше!

- Научи меня как это надо говорить!

- Нет, Степаныч, ты не запомнишь, я чего-нибудь покорооче вспомню потом.

Итак, думали они думали, бутылки по три.

Потом осенило Сеню:

- Я ту надысь на Таньку натолкнулся... в лобби. Она мне парила Канчанабури на завтра на два что ль дня.

- Качан чего?

- Это местечко такое, там америкосы в войну мост строили через реку Квай.

- Ну и чего там мы не видели? Мостов?

- Там природа охуительная, слоны катают, по реке можно на плоту, я был в позапрошлом году.

Слоны убедили Степаныча, он представил фото «Я у слона», «Я на слоне» «Я на слоне на плоту проплываю под мостом». Из иллюзии его выдернул Сеня:

- Вот я и говорю, зачем нам платить деньгу, мы и так позажигали тут за два дня немало. Пристроимся за автобусом, и бесплатно доедем.

- Бесплатно... а в бак тебе слоны ссать что ль будут? Далеко это?

- Да вёрст 350, не меньше. Так, за путёвки она хочет с нас состричь по сотне, вроде, баксов с носа.

Сеня попросил у бармена калькулятор, и что-то там заколотил.

- Нет, Степаныч, как ни крути, а один хрен дешевле на машине.

- Расходы пополам, не знаю, как там будем гулять, но сдаётся, что стольник на всё про всё хватит.

Ладно, ещё по пиву, и спать. Уговорил, чёрт языкастый.

- А морковь?

- Какая морковь, у меня масло в домкрате высохло.. морковь. Ты не сравнивай!

- Ну спать так спать.

По пути Сеня попросили притормозить у магазина, и вернулся с какими-то флакончиками.

- Это чего за хуйня? Боярышник какой-нибудь? В номере пошла ещё навалом!

- Сам ты боярышник! Это масло для твоего домкрата, дарю. Пару на ночь, и будешь спать только на спине. Витамины!

- А бабке моей поможет?

- И бабке поможет и дочке, и внучке и жучке. Только зимой не рекомендуется, у нас.

Одеяло оттопыривает, мёрзнуть будешь по ночам.

- Балабол. (а сам подумал, надо дочке взять, на курс лечения, может раздраконит её мембрану)

Когда подъехали к отелю, Степаныч отправил Сему наверх, а сам скрылся в темноте. И не было его, часа полтора. Поднялся весь довольный.

- Чего сияешь, как джипов кенгурятник?

- Да проехался тут по округе, литров тридцать нацедил. Непуганые, баки не запирают.

- Однако!

- Хе, хитрого чалдона не объедешь на кривой лошади!

Треснув по полстакана запили витаминами. Улеглись. Степаныч чувствовал себя действительно помолодевшим. Это Тай... И захрапел.

Как известно, человек предполагает, а Будда располагает. За завтраком, Степаныч умял фруктов разных ананасов да арбузов нарезанных аки буженина ломтями без костей. И решив на дорогу не наедаться, запил это всё водой обильно из холодильника, из бутылки закрытой пробкой, ностальгически закатанной по советски. И прошибла его диарея. Сеня философски не психовал, но пробежался по этажу, по туристам, с целью спросить иммодиума, или какого другого говноостанавливающего средства. Там, он разговорился с парой земляков, которые собрались было на Самуй, но обломались с авиабилетами из Утапао, и будучи уже многократно в Тае, не стремились проводить время по стандартной схеме. Сеня поделился своим планом поездки на машине за автобусом, на что соплеменники, воодушевлённо начали напрашиваться в попутчики, мотивируя своими знаниями маршрута. А то дескать, будете за басом тащиться по жаре, останавливаясь то пожрать то поссать, то в Бангкоке полдня потеряете...

Мало того, они брали и расходы на себя, кратко затратам, и на обратном пути не возвращались, а собирались на паровозе ехать на север страны. И имели ещё и Лонели планет, и атлас.

Пока Степаныч метал фруктовую икру, автобус, разумеется, уже уехал. Теоретически его можно и нагнать, но должный экспириенс отсутствовал. Как и карта. Именно поэтому, чувствуя вину, он не стал сильно залупаться относительно попутчиков.

Затарившись по пути необходимым, выехали.

Степаныч чувствовал себя пока ещё неважно, и уступил руль новому товарищу, сидя на пассажирском сидении. Ноги его рефлексорно сучили, а руки хватали воздух вместо руля.

Автобус они обогнали как не странно, около Камелота.

Дело в том, что эта ебанутая система, когда собирают туристов в поездку из нескольких гостиниц, у каждой маринуясь по 15 и более минут, дала свои плоды.

Из Камелота бедолаг забрали первыми, и двигались на север, дальше со всеми остановками. Часа почти через два, выяснилось, что забыли забрать какую-то тётку аж из Джомтъена. Вернулись.

Тётку сначала ждали, потом искали, потом куда-то звонили. В общем не нашли.

К этому моменту Камелотцы уже созрели. Они, как это водится у советских людей, написали коллективную жалобу (кому нахуй нужна их жалоба?), и закончили свой путь там же где и начали. В лобби.

Вынужден заметить, в качестве отступления, что денег им разумеется так никто и не вернул.

Им «великодушно» предложили рыбалку, на следующий день. Где они качественно заблевали весь баркас, сгорели до цвета обезьяньей жопы, и утопили видеокамеру.

Таня, в лобби Камелота с тех пор больше не заходила. Вместо себя присылала какую-то тайку, которая тупо сидела каждый день с 15 до 17. Пока её не выебли за 500 батов братья близнецы из Сыктывкара.

Причём один из братьев прятался, и ради экономии клонировался потом из шкафа.

Девушка, увидев сюжет из матрицы окончательно забыла русский язык, и подвинувшись рассудком, уехала автостопом в родную Удотхань.

Ну так вот. Наши герои до выезда на нормальную дорогу тащились за автобусом, а потом уже оторвались. На удивление, трахома бежала относительно резво, больше 100 впрочем и не хотелось разгонять. Пекло не так сильно, и вскоре замаячили пригороды Бангкока. Влив в себя пива, и перекурив, решили мегаполис объехать и почти не заблудившись продолжали двигаться в заданном направлении.

За руль пересел Степаныч, и распугивая мотобайкеров, он терял с каждой милей, по полфунта живого веса.

- А где бы здесь приобочиниться?
- Чего, опять на клапан давит?
- Да нет, мелкая нужда.

Впрочем, обочины конечно не существовало. отбойник, и за ним, как пропасть. Сеня уминая джойнт резюмировал:

- Заголовки в утренних газетах: «Русский турист вышел поссать и наебнулся с эстакады убив своим туловищем двух мотоциклистов». Или нет, не так. «Смерть на объездной. Очередная жертва простатита».
- Давай-давай, пизди-пизди, сейчас высажу на автобусной остановке мелочь клянчить...

На очередной развязке Степаныч поджав мошонку чуть не угробил опять кого-то в «тихом» крайнем левом ряду, и пришёл к выводу, что он здесь уже проезжал. Вождение удовольствия не приносило.

- Всё, больше не могу.

Отказавшись от своей роли, и расслабившись на заднем сидении Степаныч применил старый как мир способ откосить. Достал пузырь рому, и сделал внушительный глоток. И чего, это означает, что ты не можешь больше ехать в командирском кресле?

- Это означает, что лучше б мы ехали в автобусе и осматривали окрестности. А то спросят меня, как тебе Степаныч, город-герой Бангкок? А я что отвечу, что кроме разметки, и этих самоликвидаторов на мотоциклах ничего и не видал.
- А вот это идея! А не заехать ли нам на обратном пути в сей славный город?
- Туда сначала доедь...

Долго ли, коротко ли, наконец приехали в Канчанабури. Наскоро перекусив, двинули непосредственно искать пристанище, любуясь окрестностями.

Два «внезапных» попутчика, решили искать себе чего-нибудь побюджетнее, и оговорив на послезавтра место стрелки отвалили. Степаныч пристроился за каким-то рафиком, и в итоге подрулил к месту обитания.

- Деревня деревней, - резюмировал Степаныч закуривая папиросу.
- Нам того и надо!

В итоге вписались в двухместный домик со всеми удобствами практически на берегу.

- А интересно, рыба здесь есть?
- А то! И крокодилы!

Степаныч недоверчиво покосился на Сеню, но проверять не стал. Пошли перекусить местной едой и осмотреть окрестности. Народу было порядком. По пути Сеня углядел точку, где заказал на завтра вождельённых слонов. Степаныч, в кафешке, всё держался за голову. Давление. Не долго думая, взяв в очередной раз на себя обязанности фарм-курьера Сеня смотался за таблетками.

- А чего такие здоровые? – недоумевал Степаныч давясь чуть не пятикопеечными пилюлями, для надёжности приняв пару штук.

Сеня лишился дара речи.

- Степаныч, их надо в воде растворять!
- Предупреждать надо! – сдавленно прорычал Степаныч и употребил хороший глоток пива.

Последующие четверть часа Степаныч менялся в лице перманентно от красного до синего полным спектром.

- У меня как будто там мандавошка заблудилась! – жаловался Степаныч стараясь бесшумно отрыгнуть
- Это таблетки бьются о стенки желудка!
- Сейчас мои руки будут биться о стенки твоего своречника, доктор бля!
- А голова-то прошла?
- Не до неё.
- Степаныч, а ты газы травишь с обоих отверстий? Говорят, когда скотина обожрётся клевера, её раздувает, и протыкают брюхо чтобы спустить газы.

Сеня благоразумно отбежал на пару метров против ветра опасаясь взрыва.

Вечером, благодаря ушлости Сени, нашли «свою» группу, с Танькой во главе и отметились на стандартном пункте программы связанном с мостом через реку Квай. Ну всё что положено по списку.

В силу известных причин, останавливаться на этом не буду. Не видел.

Утречком, опохмелившись выехали вверх по течению. В смысле ехали по суше, но вектор именно тот. Джунгли, деревни, и прочие прелести заставляли работать фотоаппарат, находящийся разумеется в руках Сени. Степаныч получил десяток снимков «Я еду к слонам»

По программе сначала был «рафтинг». Всё хорошо, но на плоту Степаныч предпочитал стоять на четырёх конечностях. «Я раком на плоту лечу по горной реке а вокруг джунгли»

В конце концов, момент истины. Слоны.

- Когда у нас с территории базы выезжают машины, с подобной эстакады охрана проверяет соответствие железа согласно накладным. – поджидая своего слона резюмировал Степаныч

- Вот за что я тебя уважаю, так это за образность сравнений – оценил Сеня забираясь на свою (дальнюю от старта) сторону сидища.

И только было собрался щёлкнуть «Степаныч усаживается», как обнаружил, что собственно Степаныча нет. Он провалился в щель между слоном и подмостками, кратко хрюкнув в процессе полёта. Увидев ноги животного, наш герой материализовался уже опять наверху.

- Быстро ты!

Погонщик вломил слегка пиздюлей эфланту и они тронулись.

Смущённый посадочным позором, Степаныч, словно оправдываясь рассказал очередную телегу:

Есть у нас в гараже слесарь один, Клиренсом его зовут. Так вот, поехал он однажды на поминки к теще в Косулино. В смысле теща ласты склеила, её и поминали. Ну а у нас платформа есть прямо в городе, электричка, значит, останавливается, высокая платформа. Он с платформы-то сошёл, а в электричку не пришёл. Не попал. Поминки-то были на девять дней, Клиренс ещё от похорон не отошёл. На радостях оно всегда легче пьётся. Ну так вот. Баба-то евоная за ним шла. Глядь, и нету. Провалился. Она не дура, кричать не стала. Подождала пока электричка уехала. Наклоняется она с платформы, чтоб останками полюбоваться, а он сидит на корточках у стеночки прижавшись и с горла водку хлещет, скотина. С собой четвертинка была. Так на поминки и опоздали. Пока следующей дождались электрички... А ещё случай был, у нас в доме культуры, ещё при Брежневке, там товарищеский суд проходил над кладовщиком-коммунистом. Пятнадцать лет умудрялся недостачу скрывать, ковш от экскаватора проебал. Так вот, Герлиц, кладовщик этот от волнения поднажрался, и по дороге на «скамью подсудимых» на сцену, наебнулся в оркестровую яму. Сломал восемь пюпитров, и переднюю ногу. Председатель парткома кинул вдогонку в него графином, но не попал. Из партии исключили. Он уехал в Израиль потом как репрессированный, сейчас, говорят, музыкальный редактор на телевидении.

Сеня еле держался на лавке.

Обратно, забурившись в вагон, герои повествования по чугунке вернулись на «базу» Ну по мосту приснопамятному проехали, понятно дело. Чего про него рассказывать, и так все знают. Решили переночевать, утром заправиться и двигать...

Поутру, забрав зелёных с бодуна Паттайских попутчиков Степаныч вырулил в сторону Бангкока. Конкретного плана никакого не было, всё по ситуации. На выезде заправились.

Пока ехали, совещались. Попутчикам надо было на север двигаться, по железке, и их целью был вокзал. Сеня, в свою очередь планировал показать Степанычу город со смотровой площадки Байка, ну и по стандартной схеме, по каналам прокатиться, пошопиться, попутно обозреть какие-нибудь достопримечательности, впрочем, относительно последних, были сомнения, насколько интересно будет старому шоферюге париться по дворцам храмам ступам и прочим лингамам.

Относительно передвижения. Решено было бросить авто где-нибудь на выезде из мегаполиса, чтоб не наживать геморроя с трафиком и блужданиями. Вписаться куда-нибудь, чтоб бросить шмотки, и переночевав выдвигаться в Паттаю, тем более отпущенный срок использования автомобиля истекал уже.

Когда въехали в пригороды, несмотря на выходной и утро движение было просто безумным. В пробках долго не стояли, но движок ощутимо грелся, Степаныч дёргался, потел и матерился. Попутчики не выдержали, и попрощавшись соскочили, пропав как в водовороте.

- Всё, я так больше не могу. Где будем машину ставить, чтоб найти её потом?
- Где ни будь приткнём!
- А лыжи ей не приделают? – беспокоился Степаныч
- Да не должны...

Тупо куда-то ехали, и мыслей не возникало. Сеня почесал репу, и скомандовал стоп.

- Есть идея. Нужен проводник.
- Давно б так, а то у меня рак мозга уже!

Поймали буквально за шиворот какого-то щуплого мотоциклиста в чалме. Индус видимо. Сеня ему растолковал, чего требуется. А требовалось ехать впереди джипа и рулить на Каосан роад. Тот, подогретый полтинником батов, перспективой получить столько же по прибытии, согласился.

Степанычу, в свою очередь предстояла гонка с преследованием.

- Не потеряешь лоцмана?
- Кого?
- Ну, этого, Сусанина.
- Да не должен, у него там на майке на спине хуй нарисован, особая примета.
- Это не хуй, а хобот. Это божество индуистское, не помню как называется!
- Да какая разница, я вижу, что у этого убожества хуй вместо носа.

Поехали. Степаныч проявлял просто чудеса. Он вперился взглядом вперёд как Талалихин. Его профиль был прекрасен. В потоке драйверы просекли, что надо быть поосторожнее. На развязке вдруг ведущий пропал.

- Где он сука?
- Вот он сзади вроде, пропусти его.
- Съебаться решил хуеголовый! Не пройдет!

Степаныч устремился за мотоцибком, как сапсан за куропаткой. Тот вдруг начал петлять. Он перемещался из ряда в ряд, непрерывно оборачивался, чалма крутилась. Заехали в совсем уже какие-то закоулки. Там индус бросил мотоцикл и скрылся в подворотне.

- Ах ты ж падла!
- Степаныч выскочил, не открывая дверь и бросился в погоню.

Сеня в неведении остался в машине.

Не прошло и пяти минут, как показался Степаныч победно махая купюрой над головой.

- Наебать решил, козлина! Захожу, а там их как тараканов! А наш, ветошью притворился, в гамаке, типа спит. Я ему говорю, деньги давай скотина!
- По русски?
- А как ещё? Ну показал пальцами (потёр) Чуть не заплакал он смотрю. Отдал.

Степаныч протянул измятую ассигнацию, победно надуваясь.

- Поехали другого искать!
- Степаныч, я ему не сотню давал, а полтинник...
- Да какая разница, нечего обманывать.

Развернулись, поехали в обратном направлении, в сторону «большой дороге». Не успели проехать и квартал, как им навстречу показался...запыхавшийся индус, на мотоцикле в хуеголовой футболке. Он что-то кричал и размахивал руками, объясняя что-то Сене.

- О кей, о кей!
- Поехали Степаныч, не того зайца ты загнал в нору. Этот отстал от нас, еле догнал. Ругается! Уже думал не найдёт.
- Во бля! А тот тогда кто был? У них мода видать, с хуями на майках ездить...
- Силён ты! У индуса, выщемить сотню! Впрочем, он наверное обосрался не по детски, за ним фаранги гонялись всё таки!
- Нечего прятаться... все они, на одну рожу.

С грехом пополам приехали на Каосан. Рассчитались с путепказчиком, и не долго раздумывая поселились в гестхаусе за десять бакинских. Возле него договорились и машину оставить до завтрашнего утра.

Наскоро ополоснувшись, привели себя в порядок, поменяли столик зелени и выдвинулись уже на своих двоих.

- Ну и куда мы теперь?
- На самую высокую гостиницу, помнишь видели торчала там?
- Пожрать бы не мешало...
- Там и подкрепимся.

Поймали трёхколёсный тук-тук.

- У нас раньше такие мотороллеры всякую хрень возили, помнишь?
- Да застал немного.

Ехали недолго.

- Ну и куда ты нас привёз? Не надо магазина никакого... Ладно, пять минут. Пойдём Степаныч, поможешь своему коллеге, ему причитается, за то, что он клиентуру привозит.
- Я вообще-то ничего из драгоценностей не собирался покупать!
- И не надо

Потусовавшись ради приличия в ювелирке затарахтели дальше. Воодушевлённый бонусом туктукер заставлял бить адреналин изо всех пор.

- Дааа бля! Это тебе не колхозный рынок – протянул Степаныч, придерживая бейсболку. Над ним нависала каменная громада отеля «Байок»
- Сеня, понимаешь, мне никто не поверит. Точнее, я не смогу рассказать это так, чтобы поверили. –продолжал вещать Степаныч поднимаясь в лифтах.

Нетипично, но дымка смога сегодня была не такой плотной, и со смотровой площадки Бангкок просматривался прекрасно. Только когда площадка сделала первый оборот, Степаныч смог говорить. Сеня тем временем старался зафигачить нечто вроде панорамы, фотографируя сектора. Впрочем, прекрасно понимая, что снимки не передадут даже сотой части увиденного вживую.

- До сего момента, у меня только три раза шевелились волосы на жопе. Первый, это когда я в армии глотнул тормозной жидкости. Второй, когда передо мной, под Тагилом перевернулся бензовоз. И вот сейчас третий. И теперь, ответь мне Сеня. Как я буду смотреть теперь из первого этажа своей хрущёвки? Нет, ты блядь скажи, чего я там увижу? Да никуя я там не увижу кроме срущих собак под окном. В любое время года и суток. Эх... Теперь сомневаюсь, нужно ли мне это всё было? А может это не я? Или я? Пойдём пить быстрее, а то свихнусь.

Входные флаеры предполагали посещение ресторана-буфета. Сидя там за бутылкой и глядя в панорамные окна Степаныч продолжал вещать:

- Вот у нас была большая страна, и стала не маленькая. Зеркал, стекла полно. Краски, как я понимаю, тоже. Но почему, почему блядь всё такое серое? У нас тополя по городу

всему. Как весна, их хуяк, и отпиливают напополам. Стоят как виселицы. Пух им видите ли мешает. В нос забивается. Мне тоже в радиатор забивается, чищу. А вот ядовитые фабрики не мешают! Снег чёрный! Река Исеть по городу текёт, подойти страшно! В том году байдарочник перевернулся, только подмышками волосы остались, остальные выпали, напрочь!

- Здесь тоже река грязная, – пытался вставить свои пять саттангов Сеня, говно плывёт...

- Ты не перебивай! Наше говно, всем говнам говно! Химическое! Рыба водится ещё, но то без глаз совсем, то наоборот, хуй на боку, мудирует.

- Мутирует – поправил Сеня.

- А, одна петрушка, сдохнем скоро все. Под Челябинском, комбинат есть, Маяк. Там утечка была чуть не сорок лет назад. Так вот, грибы растут вокруг, ими можно атомный ледокол заправлять, до того радиации полно. Корова наелась тех грибов, и отелилась непорочным зачатием. Вместо ноги у телёнка – хуй. И светится в темноте.

- Чего-то тебе Степаныч везде сегодня они мерещатся..

- Да своими глазами прочитал в газете «Жизнь». Моя дура выписывает.

- Понятно, нашёл авторитетную газету. Такие газеты читать вредно для здоровья.

- Это точно. Дочка моя, дева старая, решила от веснушек избавиться. И вычитала в той газете, что надо втирать упаренную мочу. И давай её упаривать. Я с работы прихожу, ну думаю, в подъезде не иначе трубу прорвало. А в квартире... даже герань сдохла. Хорошо весна, на дачу съехал.

- Ты ешь Степаныч, не отвлекайся. Ну раз сыт, тогда поехали. Куда сначала, по реке или по магазинам?

- Мне в фирме сказали, что есть тут статуя, большая как тепловоз, и вся из золота. Вот бы её глянуть!

- Гавно вопрос!

Сели в тук-тук и поехали смотреть Будду. Будда как и раньше лежал на боку.

Степаныч, разуваясь уточнил:

- Сеня, я православный, это не грех?

- Не грех. Ему все равно, кто ты. Лишь бы не еврей.

- ?

- Шутка. Тут знаешь, какое дело, лишь бы человек был хороший. Правильный буддист, умирает, а потом возрождается в другом теле. И так бесконечно. Реинкарнация называется. А совсем крутой монах, перерождаться перестает, и пребывает в вечном кайфе. В нирване. Вот, к примеру, индус сегодняшней. Показал, как проехать, ему зачтётся. Для кармы хорошо. А вот у другого индуса ты сотню отобрал. Для твоей кармы это плохо. В следующей жизни будешь кем-нибудь другим. Не человеком.

- А кем же?

- Ну, не знаю, может каким-нибудь хорьком..

- Слушай ты, хорёк, помолчи а! Сам-то, небось, будешь собакой какой-нибудь лохматой. Хотя, хрен с ним, пусть хорьком, только б не в Урало-сибирском регионе, поужнее.

Прошлись, бросив монетки по чашкам. Степаныч загадал себе внука.

Затем решили прокатиться по каналам, и только потом прикупить кой какого товара, чтоб с сумками не таскаться.

Каналы поражали. Контраст между лачугами и билдингами. Золота и грязной воды. Степаныч выговорившись в ресторане подавленно молчал. Воспрянул только у пристани, где кишмя кишела рыба.

- Вот, смотри! А ты говоришь вода грязная!
- Степаныч в этой рыбе глистов столько, что её только тайцы могут есть.
- Не надо! Наши глисты их глистов победят. А если спиртом запивать, то всем глистам придёт полный и бесповоротный пиздец.

Сидя на лавке, Степаныч всё оглядывался на корму. Там управлял странной конструкцией лонгбота рулевой.

- Дизелёк там у них, дохленький, надо...
- Даже не думай! Не хватало только ещё и лодки ремонтировать. А отдадут потом в аренду на неделю, так и будем здесь плавать? Ну тебя в баню, фанатик больной.